

Темная

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCXLVII

Salamandra P.V.V.

ГЕММАЛИЯ

Перевод и комментарии
С. Шаргородского

Salamandra P.V.V.

Геммалия. Пер. и комм. С. Шаргородского. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. — 58 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССXLVII. Вампирская серия).

«В одном обществе, где только что прочли “Вампира” лорда Байрона, заспорили, может ли существо женского пола, столь же чудовищное, как *лорд Рутвен*, быть наделено всем очарованием красоты. Так родилась книга, которая была завершена в течение нескольких осенних вечеров...»

Впервые на русском языке — перевод редчайшей анонимной повести «Геммалия», вышедшей в Париже в 1825 г.

© S. Shargorodsky, перевод, комментарии, 2018

© Salamandra P.V.V., оформление, 2018

1819-2019

ВАМПИРСКАЯ СЕРИЯ

К

**200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПУБЛИКАЦИИ
«ВАМПИРА» Д. ПОЛИДОРИ**

Темная

GEMMALIE.

PARIS.

**LADVOCAT, PONTHEU, DELAUNAY,
AU PALAIS-ROYAL.**

1825

У камина большого постоялого двора «Павлин» в Марселе шла оживленная беседа, когда снаружи послышался цокот копыт; вскоре после того вошел и путешественник; он с головы до ног промок от дождя и приблизился к огню; хозяин предложил ему сесть и добавил несколько охапок хвороста к горевшим в огромном камине поленьям, а затем стал готовить ужин, вместе с постояльцами тем временем внимательно разглядывая гостя.

Путешественнику было на вид лет тридцать; одет он был в английский наряд, однако отличался той непринужденной утонченностью манер, что приобретается лишь в долгих странствиях. Он был статен и красив, но на бледном лице уже пролегли морщины; лицо это, более того, говорило о душе, уставшей от привычек и радостей обыденной жизни и жаждущей необычайного.

С появлением незнакомца воцарилось молчание; путешественник нарушил тишину:

— Не могли бы вы сказать, — произнес он, обращаясь к хозяину постоялого двора, — прибыл ли днями в Марсель корабль «Два друга»?

— Не знаю, — отвечал хозяин, — но завтра утром непременно вас извещу; откуда этот корабль?

— Из Афин, — сказал незнакомец. — Но я, входя, прервал вашу беседу; умоляю, продолжайте, дорогой хозяин.

— О! месье, — отозвался последний, — это всего-навсего мой сосед, бакалейщик. Ему вздумалось обучать меня премудростям моего дела — меня, вот уже двадцать лет с честью держащего флаг постоялого двора «Павлин»!

— Черт возьми! пусть господин рассудит по справедливости, — сказал бакалейщик.

— Так тому и быть! — воскликнул хозяин.

— Знайте же, месье, — продолжал бакалейщик, — что дней пятнадцать назад в «Павлине» поселилась молодая дама.

— Молодая дама? — переспросил путешественник, и его угасшие глаза засверкали.

— Одна, без сундуков, без пожиток... — заметил хозяин.

— Нечего меня перебивать! без багажа, без сундуков...

— Она хорошенькая? — спросил путешественник.

— Как ангел, — ответила дочь хозяина, Аннета, до сих пор молчавшая.

— В красоте ее есть что-то завораживающее, — сказал бакалейщик.

— Она гречанка, — вставил хозяин.

— Гречанка! — воскликнул путешественник.

— Возможно, — раздался неизвестный голос. Собеседники огляделись, тщетно пытаясь понять, кто вмешался в их спор.

— Гречанка! — продолжал бакалейщик, презрительно улыбаясь, — да... быть может... но по-французски она говорит, словно мы с вами... Как бы то ни было, эта молодая особа, эта *гречанка*, если хотите, решила поселиться здесь, и мой сосед предоставил ей комнату. С того дня она постоянно сидит взаперти; ни с кем не разговаривает, выходит только по вечерам, когда все добропорядочные люди возвращаются домой, обратно же приходит посреди ночи. Согласитесь, месть, что подобное поведение может бросить тень и на лучшую из гостиниц.

— Она платит вовремя, — заявил хозяин, — и если мои постояльцы платят, я оставляю их в покое.

— Славное изречение! — вскричал моралист-бакалейщик. — Смотрите, как бы не пришлось вам подсчитывать убытки.

— Уж не больше, чем в вашей лавке... кому не знать, как вам! — язвительно отвечивал хозяин.

— Что вы имеете в виду? — взвился красный от злости бакалейщик.

— Прошу вас, господа, успокойтесь, — примирительно сказал путешественник. — Внешность зачастую обманчива; хозяин же наш, как мне думается, ведет себя вполне правильно. Должен ли он отказать в приюте гостю, живущей под его кровом, по причине ничем не подтвержденного подозрения? вне всяких сомнений, поступать так не следует. Полагаю, ему хорошо бы узнать о ней побольше и только потом действовать. Но кто эта женщина? можно ли ее увидеть?

— Часом позже полуночи, — ответил хозяин, счастливый тем, что путешественник принял его сторону, — она возвращается с ночной прогулки, которую обыкновенно совершает близ церкви Святой Клары...

— Церкви! — со смехом прервал его бакалейщик.

— Я спрячу вас, — продолжал хозяин, не удостоивая вниманием ироническое замечание лавочника, — и вы сможете вдоволь на нее насмотреться...

— Очень хорошо, господа, — вставая, сказал бакалейщик. — Желаю всем вам приятного вечера, а вам, сосед, премногих благ с *молодой гречанкой*...

Хозяин постоялого двора собрался было ответить, но его противник успел выйти. За бакалейщиком вскоре последовали другие гости, весь вечер хранившие молчание, и у камина остались лишь хозяин, его дочь и путешественник.

Анна подала тарелки и после недолгого ужина удалилась. Хозяин, ожидая появления незнакомки, задремал с трубкой в руке; путешественник, чьи расспросы не помогли ничего выяснить, устремил взгляд на часы в высоком деревянном футляре, словно пытаясь ускорить бег времени и горя желанием увидеть гречанку, уже воспламенившую его воображение.

Стрелки наконец вняли мольбам путешественника, часы пробили, и англичанин, погруженный в мечтания, услышал стук в дверь; он вздрогнул и схватил за руку крепко спящего хозяина.

— Бьет час, — сказал он.

— Это она, — спокойно отвечал хозяин. — Ступайте за мной; я спрячу вас, и вы увидите ее, оставаясь незамеченным.

Хозяин зажег лампу и, жестом пригласив путешественника следовать за собой, провел его на верхний этаж в отведенную гостью комнату; затем, указав темную нишу над лестницей, он пошел открывать.

Путешественник, дрожа от нетерпения, склонился над перилами; он услышал, как заскрипела на петлях входная дверь, после с шумом закрылась; сердце его бешено колотилось в ожидании незнакомки, столь возбудившей его лю-

бопытство.

Это была стройная и изящная молодая женщина; на ней было свободное платье из белой тафты, подпоясанное черной лентой; накидка того же цвета обрамляла ее головку мрачными складками; один взгляд на нее вызывал необъяснимое волнение. Лицо ее было до крайности бледным, и она напоминала бы юную деву, спящую в гробу, если бы восхитительные глаза гречанки не горели сверхъестественным огнем, а ярко-алые губы не выдавали в ней всю полноту жизни.

Она медленно поднялась по лестнице, опираясь одной рукой о перила и держа в другой подсвечник; затем открыла дверь своей комнаты и внезапно исчезла из виду.

Пораженный путешественник с наслаждением следил глазами за каждым ее движением. Никогда не доводилось ему лицезреть подобный идеал красоты; и когда она исчезла, он остался стоять недвижно, вызывая в памяти ее черты, точно бедный изгнанник, принужденный покинуть берега отчизны и старающийся разглядеть их на туманном горизонте. Затем он вернулся в свою комнату, надеясь отдохнуть и обрести покой, казалось, навсегда смущенный мимолетным видением красавицы.

Сэр Чарльз Линдблад (так звали путешественника) был одним из тех богатых англичан, которые, обладая с молодых лет громадным состоянием, рано начинают предаваться излишествам и наскучивают жизнью. Франция, Италия, Греция, далекие страны — он видел все и всюду побывал. Он любил женщин, но, к несчастью своему, находил в них одну красоту, лишенную добродетелей, или же добродетель, лишенную красоты. Ни одна не обладала душой, в какой его душа могла бы раствориться; он ощущал горестную пустоту и с жадностью искал любое необыкновенное впечатление, способное оживить его сердце, слишком часто остававшееся бесстрастным.

В душе его, однако, царило дружеское чувство, укоренившееся тем более глубоко, что являлось единственным

и полноправным ее господином. С детства воспитывался он с одним из своих соотечественников; они были одногодками, и с годами их связала живейшая дружба. Они разделяли те же пристрастия, то же стремление к блаженству; в дальних путешествиях были они неразлучны и вместе долго искали счастья, никогда его не находя. Жертвы чересчур пылкого воображения, они без конца соблазнялись иллюзиями, вечно обманывавшими их надежды!..

Меж тем, печальные разочарования вскоре заставили друзей забыть о химерических поисках идеала. С закатом молодости пришла пора невыносимой скуки рассудочного существования, и каждый из них не ведал лучшего, чем излить сердце другу... Все сделалось для них общим; разделенные радости смягчали и помогали им снести горечь бытия.

Они поклялись никогда не расставаться; но судьба распорядилась иначе. Уже три месяца путешествовали они по стране Леонидов и Перикла, когда на зов свободы восстала вся Греция. Отважные сердца наших друзей не остались равнодушными к этому благородному призыву. Они готовы были сражаться во имя человечности; быть может, не найдя в жизни счастья, они испытывали зловещее наслаждение при мысли о совместной смерти. Но в самом начале жестокой борьбы Линдبلاد получил известие, заставившее его вернуться в Англию, а оттуда отправиться во Францию. Он обещал своему другу Джорджу Гилфорду вернуться без промедления, дабы разделить с последним опасности и славу; однако он не сумел выполнить обещание; оставаясь почти два года вдали от своего названного брата, он часто получал от него письма; Гилфорд неизменно рассказывал о чудесных успехах греков и их смелых соратников. Свобода расцвела в прекрасных краях, где царствовала так долго; Гилфорд намерен был присоединиться к другу во Франции и сообщил, что прибудет в конце сентября в Марсель, где они условились встретиться.

Это и привело Линдبلادа в город, и он снова и снова принимался считать дни и часы, отделявшие его от встречи со спутником детства.

Видение той, кого называли здесь *гречанкой*, словно электрическая искра, пробудило его душу; окутывавший красавицу покров тайны, ее чарующие черты — все дразнило воображение баронета.

Он пытался заснуть... Напрасные старания! дрема лишь на краткий миг смежила его веки, погрузив Линдблада в волшебный мир сновидений. Ему снилось, что он стоит на пустынном берегу бушующего моря и произносит гибельную клятву, а вокруг сверкают молнии, гремит гром и ревет ветер... То была клятва супружества; невеста в погребальном крепе ждала его... как вдруг меж ними вспыхнула огненная стена... отвратный демон сокрушил ее, Линдблад навеки соединился со своей таинственной невестой, и мертвые в белых саванах взроптали, когда свершилась роковая свадьба... Затем вместе с бледной супругой оказался он в быстро мчащейся карете. С детства знакомые пейзажи окружали его; зима сковала природу; земля была покрыта снегом; он хотел было обнять свое божество, но мертвецы, казалось, продолжали вставать неодолимой преградой на пути его тщетных поцелуев.

Опечаленный мрачными сновидениями, сэр Чарльз поднялся, едва рассвело; воспоминание о Гилфорде восстановило его душевное спокойствие; он покраснел, подумав, что на минуту забыл друга всей своей жизни ради внезапной безумной любви к женщине, поистине прекрасной, но чужой и незнакомой; случай свел его с нею, и через несколько дней, вероятно, он покинет эти места навсегда... Тяжким усилием воли он решительно подавил в себе готовую зародиться страсть и устремился в порт с твердым намерением уехать немедленно по встрече с другом.

В порту он стал расспрашивать моряков, но никто не мог ничего сказать ему о корабле «Два друга»; все уверяли, что среди судов, заходивших в порт или бросивших якорь на рейде, не было ни единого с таким названием.

Отчаявшись что-либо разузнать, сэр Чарльз с грустью направился на постоялый двор, но тут встречный морской офицер, к которому он обратился, поведал путешественнику, что недавно побывал в морях Леванта на королевской

сторожевой габаре; судно «Два друга» встретилось ему в водах Сицилии, куда зашло на несколько дней для починки; не пройдет и трех недель, заверил офицер, как корабль прибудет в Марсель.

Линдблад, начавший уже беспокоиться о судьбе друга, с радостью выслушал рассказ офицера; в глубине души не мог он не радоваться и отсрочке, что позволяла ему провести некоторое время под одной крышей с красавицей, воспоминание о которой преследовало его повсюду. Он вознамерился проникнуть в ее тайну; смутная надежда обрести в ней долгожданную спутницу окрыляла его пылкое воображение.

Вернувшись в «Павлин», Линдблад стал тщетно искать знакомства с прелестной гречанкой; днем она всегда оставалась в своей комнате и показывалась лишь по вечерам, когда выходила, или по возвращении из своего ночного паломничества. Раз или два он пытался заговорить с нею; однако молчаливая гречанка, не останавливаясь, удостоивала его лишь односложными ответами.

Страсть жгла его огнем, препоны же лишь распалили ее; незнакомка, словно наделенная магическими чарами, всецело подчинила англичанина своей власти. Он был далек от того, чтобы обманываться относительно характера своих чувств, и вынужден был признаться себе, что испытывал жесточайшее влечение к гречанке; но ничто не вынудило Линдבלа сильнее почувствовать глубокую сердечную рану, чем охватившая его вскоре ревность.

«У меня есть соперник!... — восклицал он, расхаживая взад и вперед по комнате, — соперник! Да, сомнений нет: эта подчеркнутая холодность, эти ночные прогулки, эта таинственность... соперник!.. О, я выясню, кто он... Горе ему... Но что, если я ошибаюсь, если сердце загадочной очаровательницы свободно, а ее ночные бдения — дань благочестию... если я смогу завоевать ее, заставить ее полюбить себя... Ах! я готов заплатить жизнью за подобное блаженство! Я познаю его... о да, я познаю это блаженство!.. Линдблад не из тех, кто сворачивает, встретив первые препятствия!..»

Баронет решил последовать за красавицей в тот же вечер, дабы рассеять свои сомнения, и проследить за нею до места, что она так часто посещала. Сказано — сделано: он расположился у постоялого двора и около одиннадцати часов вечера увидел, как гречанка вышла и направилась к церкви Святой Клары. Опасаясь быть узанным, он завернулся в плащ и пошел за нею, держась в отдалении и стараясь не производить ни малейшего шума. Она медленно шла вдоль домов; ночь выдалась темной, улицы были безлюдны. Дойдя до церкви, незнакомка скользнула к кладбищенской стене и неожиданно исчезла на глазах у изумленного англичанина. Напрасно осматривался он в поисках ее, напрасно обошел вокруг кладбища: в высокой стене не было ни единой брешки, позволившей бы гречанке проникнуть внутрь...

Крепкой рукой Линдблад затряс решетку ворот; сотрясаемые прутья издавали жалобные стоны, однако не поддавались его усилиям. Красавица будто растворилась в воздухе. Путешественником овладело беспокойство. Он в отчаянии воззвал к прекрасной беглянке. Ответа не было. После долгих и бесплодных поисков он собрался уходить и повернул к «Павлину», но внезапно услышал позади шаги. Незнакомка спокойно шла за ним в нескольких шагах.

Сэр Чарльз, не веря своим глазам, удивленно застыл; поймав, что сделался жертвой ночного морока, путешественник не смог преодолеть искушения заговорить с таинственной гречанкой.

— Прости мою дерзость, непостижимая красавица, — начал он, — и позволь мне...

— Молчание, — ответствовала она, приложив палец к губам, — это час мертвых; не тревожь их покой...

Странный тон, каким она это произнесла, помешал сэру Чарльзу продолжать; слова замерли у него на губах; он медленно последовал за незнакомкой, не уделявшей ему никакого внимания. На постоялом дворе она тотчас поднялась к себе, ничем не отвечая обретенному было дар речи англичанину; последний окаменел от изумления, гадая, не приснилась ли ему ночная встреча.

Прошло несколько дней. Гилфорд все не приезжал. Прекрасная гречанка не выходила из своей комнаты и избегала попадаться на глаза бедному Линдбладу. Тот, в надежде скоротать невыносимо тянувшиеся дни и главным образом избавиться от болезненных мыслей, поглощавших все его душевные силы, предавался частым и далеким прогулкам.

Часто он бродил в одиночестве, захваченный бурными порывами чувств; порой он искал забвения среди людей и направлялся в порт.

Ему нравилось вечно меняющееся зрелище деятельной жизни моряков, привлеченных сюда коммерцией с четырех концов света. Торговцы всех просвещенных народов встречались в знаменитом порту и, обменявшись своими богатствами, расставались без сожалений, чтобы никогда больше не свидеться; преодолевая тысячи невзгод, моряки возвращались на родину, чтобы вновь ее покинуть; их беспечная странническая жизнь взывала к сердцу Линдблада, и он, приходя в себя, с печалью думал о навсегда утраченной им мирной безмятежности.

В раздумье он нередко выходил на берег; с восторгом внимал он стенаниям разъяренных волн, разбивавшихся о скалы, и грохоту бурь, сотрясавших море до самых глубин. Он искал взглядом на горизонте выцветший парус, живое свидетельство, что и морскую пустыню бороздил человек; и всякий раз, когда чайки с жалобными криками, предвещая шторм, задевали волны белоснежными крыльями, он содрогался при мысли об опасностях, грозящих другу.

Однажды сидел он на вершине высокой скалы, нависавшей над Средиземным морем; в темной точке вдаль угадывались сумрачные башни замка Иф. Справа раскинулся Марсель с блестящими на солнце окнами зданий; воздух был спокоен, небеса ясны и безоблачны, море недвижно. Эта великолепная картина пробудила в душе баронета неизъяснимое чувство. Он долго глядел на мирный пейзаж; но воспоминание об очаровавшем его создании на-

рушило затем сердечное спокойствие. Он охватил голову руками и, погрузившись в размышления, начал припоминать все превратности судьбы, жертвой которых стал. Мало-помалу мысли его утратили определенность; им овладела непобедимая дремота; и наконец, не то истерзанный раздумьями, не то от усталости после долгой утренней прогулки, он закрыл глаза, и тягостные мысли, не дававшие ему покоя, уступили место еще более мучительным сновидениям.

Он спал... Стремительный ветер из Африки, поднявшись внезапно, принес с собою густые тучи, вскоре скрывающие яркое солнце; море взволновалось; бурлящие волны с зловещим шипением бросали на скалы шапки белой пены; буря усиливалась, и черные леса сосен на берегу стояли под ее ударами. Ужасающий глас бури пробудил Линдблада; какая невообразимая перемена! Мирный пейзаж повержен в хаос; Иф и его башни исчезли, Марсель утонул в тени; рыбацкие суденышки бегут от урагана и ищут спасения в гавани... Англичанин следит за ними глазами, всей душой желая им благополучного избавления.

Он с тревогой смотрел на маневры отважных мореходов, когда до его слуха, словно отдаленный гром, долетел пушечный выстрел. Сэр Чарльз вздрогнул. Не единожды доводилось ему слышать в своих странствиях этот сигнал бедствия, последнее прибежище несчастных, которым грозит неминуемая гибель. Он стал искать глазами в волнах корабль, столь отчаянно нуждавшийся в помощи, и вдруг внизу, на берегу, послышался пронзительный и странный крик. Англичанин глянул; но что ощутил он, когда увидел меж скал быстро бегущую женщину в белом одеянии и черной траурной накидке! Его сердце забилося сильнее. Это была незнакомка.

Что делала она здесь в этот час, она, никогда не выходившая прежде, чем ночная тьма окутает землю? С каким беспокойным любопытством следил за нею баронет, пытаясь прочесть в жестах и движениях гречанки владевшие ею чувства! Она, казалось, испытывала живейшее сострадание к несчастным, застигнутым штормом. Гречан-

ка склонилась к земле и прислушивалась, стараясь понять, откуда доносились сигналы тревоги; она оставалась в этом согбенном положении, пока вновь раздавшийся выстрел не привел ее в крайнее волнение. Словно в припадке необъяснимого безумия, она беспорядочно заметалась по берегу, то стискивая руки и всем своим видом выражая глубочайшую скорбь, то разражаясь взрывами необъяснимого смеха.

«Любовь или жалость? — спрашивал себя Линдبلاد на высокой скале. — Бойтся ли она за этих несчастных, оказавшихся в смертельной опасности, или трепещет при мысли о далеком любовнике, который должен возвратиться к ней по морю?.. Ах! мои ужасные сомнения рассеялись. Она любит и она любима... как мог я полагать, что никто до меня не полюбил столь прекрасное и пленительное создание, воплощенный идеал моих любовных грез?»

В молодости сердце не способно оставаться глухим к велениям любви; возможно ли, что оно не зажглось ответным огнем, встретившись со страстью, каковую неизбежно внушает первый же взгляд на эту чаровницу? Она любит... но не меня... Уж не того ли, кто сделался теперь игрушкой волн?.. Но чем вызван ее загадочный смех? Так ли выражает она тревогу и надежду?.. тайна, которую я не в силах разъяснить! Подойду, заговорю с нею; быть может, я наконец ближе узнаю ту, кто стала моей судьбой».

И он, перепрыгивая с камня на камень, поспешил к молодой гречанке... Он уже видел корабль, привлечший внимание незнакомки; буря с устрашающей быстротой несла судно на рифы, окаймлявшие берег... Команда, надеясь спастись, торопливо спускала на воду шлюпки.

«Достанет ли им времени? — со страхом говорил себе Линдبلاد, сознавая, какой опасности подвергались мореходы. — Они оставили корабль... Великий Боже! Сумеет ли их хрупкий ялик выдержать ярость стихии?.. Несчастные... какая гора воды вот-вот обрушится на них и поглотит!..»

Яростная волна швырнула ялик на скалу. Люди исчезли в пучине.

Незнакомка стояла неподвижно и равнодушно созерцала эту сцену разрушения. Линдблад в растерянности приблизился к ней, но она даже не замечала его.

— Гилфорд, Гилфорд! — говорила она нежным голосом. — Был ли ты на том корабле? ждать ли мне тебя?.. Но все равно!.. Клянусь, Гилфорд! рано или поздно ты будешь моим!

— Гилфорд! — воскликнул бледный и дрожащий сэръ Чарльз. — Ты знаешь его, ты любишь его!

— Я никого не люблю, — холодно заметила гречанка.

— Как!.. Но ты только что говорила о Гилфорде!.. Он — товарищ моего детства, с которым я связан священными узами дружбы...

— Что есть дружба? — тем же тоном спросила она.

— Святые небеса! Разве тебе неведомо чувство, чьи наслаждения уступают одной лишь любви?

— Я не знаю любви и никогда ее не испытаю.

— Верно ли, что любовь не проникла в твое сердце, не задела его струны?.. О, счастливец Линдблад!.. в моих объятиях ты познаешь это упоение, это божественное смятение, счастье чувствовать, что двое сливаются в одно... Лучшее в жизни я расточу перед тобой... титулы, состояние, почести, все кладу я к твоим ногам; будь моей женой и сделай меня счастливейшим из людей...

— Твоей женой... женой смертного? Я, кого зовет могила?

— Ах! дражайшая возлюбленная, к чему эти мрачные мысли? Станет ли красота столь скоро добычей могилы? о нет, поверь мне; я окружу тебя заботой и любовью, и мы проживем много счастливых лет! Бога ради, молю, согласишься стать моей женой.

— Твоей женой... но ты меня даже не знаешь.

— Не имеет значения! ты прекрасней всех женщин на свете... но удовлетвори любопытство, вдохновленное любовью, назови мне свое имя, свою родину, свою религию.

— Имя... мне оно неизвестно... однако люди называют меня Геммалией. Родина... говорят, я родилась на Востоке... а Бог... может ли Бог существовать для меня?

Линдблад, стоявший перед нею на коленях, был как громом поражен и раздавлен ее последними словами; когда он очнулся и поднял голову, Геммалия была уже далеко. Она не шла, а, казалось, летела... Вскоре она скрылась из виду, баронет же не двигался, словно прикованный к месту непреодолимой силой. Волшебные чары, застилавшие до сих пор его взор, развеялись и исчезли вместе с Геммалией. Что видит он вокруг?.. Зрелище ужаса и опустошения; песок усеян обломками мачт, клочьями парусов, изорванными и разбросанными снастями; повсюду лежат трупы утопленников, которые море в ужасе выбросило на сушу... и в присутствии этих бледных, как сама Смерть, этих бездыханных свидетелей он произнес клятву любви и осмелился предложить руку и сердце созданию, в чьих словах и облике не было ничего человеческого, кроме речи и красоты! Какое зловещее предзнаменование! Что уготовило ему будущее? Линдблад поневоле задрожал, подумав об этом; сердце его преисполнилось тревогой, и он поспешил покинуть гибельный берег.

Образ Геммалии стал неотделим в его сознании от образа Гилфорда. О чем бы он ни размышлял, разум вновь и вновь тщетно пытался примирить страсть, что звучала в услышанных Линдбладом словах молодой гречанки, и равнодушие, что царило, как она утверждала, в ее сердце.

Баронета бросало, как маятник, от страха к упованию; никогда еще он так не сожалел, что Гилфорд далеко, тем более сейчас, когда он имел причины считать, что друг его был знаком Геммалии. В желании увидеть его была теперь и надежда больше узнать о возлюбленной и приподнять покров ее тайны. Наконец долгожданный миг настал; Гилфорд и Линдблад, расставшиеся три года назад, упали друг другу в объятия и долго стояли молча, растроганные до слез.

После первых излиятий дружеских чувств оба по очереди рассказали о приключениях, пережитых за годы разлуки. Гилфорд был участником достопамятного возрождения

Греции. Он яро преследовал славу и всегда встречал опасность лицом к лицу. Он первым ворвался в бастионы Афин и неустанно сражался со свирепыми мусульманами. В Эпире Гилфорд, дравшийся бок о бок с прославленными вождями греков, вместе с горсткой героев обратил в бегство необузданные орды Хуршид-паши. Был он и среди храбрцев, которые на пылающих брандерах превратили в пепел оттоманский флот. Сам Одиссей рукоплескал его мужеству; лорд Байрон, гордясь соотечественником, вознамерился повторить его подвиги; вот что узнал сэра Чарльза от друга, хоть тот и выказывал скромное нежелание чересчур много говорить о себе; но во всех его захватывающих повествованиях Линдبلاد не услышал ни слова о Геммалии; Гилфорд молчал о ней... «Уж не пытается ли он скрыть, что у него на сердце? — подумал Линдبلاد. — О нет! я знаю его слишком хорошо; он не утаивает от меня ни единой мысли; возможно, он ждет, что я заговорю первым, побуждая его тем самым поделиться со мною сокрытыми в глубинах души сердечными секретами. Дружба способна принести утешение, но порой приходится силой вырывать болезненные признания; что ж, спросим его...»

— Ты совершил много подвигов во имя славы, но что с любовью?.. — спросил сэра Чарльза.

— Ах, — с глубоким вздохом отвечал Гилфорд, — тебе ли не знать, сколько сил мы истратили впустую, гонясь за этим призраком, каковой нашему прихотливому воображению угодно было облечь в самые блистательные одежды? Ты полагаешь, что вдалеке от тебя мне посчастливилось?.. что Греция даровала мне прелестницу, какую мы везде видели в любовных мечтаниях, но нигде не находили?.. Ах, нет; там, как и всюду, я испытывал лишь тщетные порывы; скорбная истина раз за разом сокрушала мое сердце, и в нем так же пустынно, как в день, когда я тебя покинул... Я не стану рассказывать тебе об иллюзиях, что время от времени затмевали мой слабый и несовершенный рассудок. Я краснею, вспоминая о них; подумать только, что я мог, пусть и ненадолго, поверить в басни, порожденные суевериями, давно опровергнутыми и осужденными разумом!.. Нет, друг

мой, я не стану занимать тебя разговорами о столь жалких предметах; воспоминания об иных миражах, признаться, мне и самому не доставляют удовольствия, и я хотел бы навсегда изгнать их из памяти... Дорогой Линдبلاد, не будем больше расставаться! я нуждаюсь в тебе. Ты необходим мне, как солнце, что согревает меня, как воздух, которым я дышу; оба мы свободны от сторонних привязанностей, и нам остается лишь ценить общество друг друга...

— Увы, — произнес баронет, — если бы я мог сказать то же! Свободен... Нет, Гилфорд, в последнее время несчастный друг твой не знает покоя; ревность, отчаяние, страсть и прочие фурии завладели моей душой; я наконец полюбил...

— Радоваться мне или огорчаться? — с удивлением проговорил Джордж. — Мое заветное желание исполнилось... я так хотел видеть друга счастливым... а счастье невозможно без любви... но ты рисуешь свою любовь в самых темных красках; ты ревнуешь! Мне жаль, Линдبلاد, что это невыносимое чувство проникло в твое сердце; оно не для тебя... Но главное, желаю тебе никогда не раскаяться в том, что ты поддался безумной страсти, не признающей и самые священные права и в слепом неистовстве своем не могущей отличить друга от врага! Скажи мне поскорей, кто она, эта красавица, завоевавшая твое сердце? Не сомневаюсь, что она молода и родилась в именитой семье, а ее душевные качества достойны тебя и обещают тебе прочное и нерушимое счастье. Горю желанием увидеть ее; я уже люблю ее, как сестру... Разве ты не дороже мне всех братьев?

— Непостижимый рок, злая судьба не перестает преследовать меня! — воскликнул Линдبلاد. — Я встретил женщину... небеса не создавали ничего более совершенного!.. Она похожа на сильфиду; она бледна, но ослепительна, как алебастр; лицо ее не знает румянца, но губы алее цветов шиповника, зубы белы, как капельки пролитого молока; ее черные кудри оттеняют трепещущую грудь, а длинные черные ресницы скрывают пылающий в глазах огонь, доселе невиданный во взоре смертных; будучи вдали от нее, я не могу дождаться минуты, когда увижу ее снова; мне хо-

чется открыть ей свое сердце, поведать о своей любви... но рядом с нею меня охватывает неизъяснимая печаль, и я тщетно ищу слова... Меня влечет к ней неодолимая сила, однако почти столь же сильное чувство, вопреки всему, отталкивает меня от нее. Но все напрасно — я чувствую, что наши судьбы связаны; и хоть все запрещает мне это, я безумно люблю ее... Она чужестранка; у нее нет ни семьи, ни родины, ни Бога; она не знает ни любви, ни даже дружбы! Она бежит от людей и не желает их видеть; она выходит лишь по ночам и думает только о могилах... Я не в силах постичь ее тайну!.. Мне часто кажется, что она проходит среди смертных, как изгнанница из иного мира... А впрочем, что мне до того, падший ли она ангел, отринутый небесами, демон ли зла и укоризны; напрасно взываю я к доводам разума — я безнадежно пленен ею. Гибель ли то моя или счастье? Я не знаю; но я люблю ее, и она должна стать моей женой.

— Могу сказать лишь одно, — с живостью заговорил Гилфорд. — Не должно тебе сдаваться под ударами судьбы. Собери свое мужество, откажись от любви, что недостойна тебя. Ах! благословен будет день, когда я воссоединился с тобой... Я не оставлю тебя, я поддержу тебя в борьбе с самим собою; вместе мы отринем все искушения... В бегстве, поверь мне, найдешь ты победу; покинь Марсель, где ничто тебя не держит, оставь женщину, которую тебе не стоило и встречать; отправимся завтра же в Англию.

— Как! уехать, не повидав ее...

— Это необходимо, друг мой; твое счастье того требует.

Часы на башне Святой Клары пробили полночь... долгий вечер дружеских откровений затянулся... Гилфорд все настаивал на немедленном, невозможном для Линдблада отъезде, когда дверь комнаты сэра Чарльза внезапно распахнулась.

Два друга обернулись. Это была Геммалия...

Она стояла на пороге, прижимая одну руку к груди и держа в другой лампу; сквозняк колебал пламя, отбрасы-

вая в комнату неверный свет; Геммалия чуть наклонилась вперед и неотрывно глядела на Джорджа.

— Я обещала, что увижу тебя снова, Гилфорд, — медленно и торжественно сказала она. — Я исполнила свою клятву...

Едва она произнесла эти слова, как лампа погасла; Геммалия исчезла в темноте, оставив двух друзей в неопишемом состоянии...

Линдبلاد долго в ошеломлении глядел на дверь; придя наконец в себя, он взглянул на друга и увидел, что тот побледнел, как смерть, и бессильно откинулся в кресле.

— Это она, — слабым голосом пробормотал Гилфорд, — сомнений нет, это она.

— Кто? — воскликнул сэръ Чарльз.

Не отвечая, Джордж резко поднялся и принялся расхаживать по комнате. Воспоминания душили его, но губы были не в силах облечь их слова. Наконец он нарушил тяжелое молчание.

— Ты знаешь эту женщину? — спросил он своего друга.

— Знаю ли?!..

— Это ее ты собрался взять в жены!..

— Ты чем-то встревожен, Гилфорд? Вижу, ты знаком с этой молодой гречанкой. Где же ты с нею познакомился? Открой мне эту тайну...

— Дорогой друг, разве поверишь ты моему рассказу, если я и сам не понимаю, что происходит; разум восстает при одной мысли об этом; мне кажется, я стал жертвой непонятной галлюцинации... Но я только что и вправду видел ее; она осталась на Востоке; как же могла она так быстро попасть сюда?

— Когда я приехал в Марсель, она уже несколько дней здесь жила; ждал же я тебя довольно долго...

— Странная история! Какой корабль, мчащийся быстрее ветра, мог доставить ее через моря? Все в ней необычайно, необъяснимо... Я хотел умолчать о вещах, в которые не мог поверить. Суди сам, есть ли у меня причины удивляться, и не правильной ли будет считать, что чувства нас обманывают?

По прибытии на Пелопоннес, я присоединился к грекам под Коринфом вместе с несколькими французами; они, как и я, пылали желанием помочь в восстановлении благородной независимости эллинов. В последние недели Коринф находился в осаде; став в ряды защитников поработенной страны, я попросился и был направлен на форпост; я искал славы и мечтал быть полезным святому делу, ради которого приехал. Я не разочаровался. Однажды ночью, когда в нашем лагере все было тихо, турки распустили, что храбрость заставила нас забыть об осторожности. Они решили застать нас врасплох и стремительно напали на нас. Сражение было горячим и кровопролитным. Вообрази зрелище ночной атаки, пушечные залпы, взрывы ядер, яростные крики наступающих, стоны раненых, ужасные вспышки огня, раскалывающие темноту... в этом-то жутком свете, опьяненный неистовством битвы, я и разглядел, как мне показалось... женщину восхитительной красоты; она была одна, безоружная, беззащитная посреди грозящих ей со всех сторон опасностей; но она отнюдь не выглядела испуганной; напротив, лицо ее сияло иступленной радостью; она с непредставимой быстротой носилась по рядам противников, спеша туда, где смерть была неминуема. Я видел, как она смело бросала вызов ружьям и ятаганам и как, не отдавая никому предпочтения, хватала за руку то христианина, то мусульманина, направляя лезвие и без колебаний пронзая грудь врага; и затем, вся покрытая кровью, она бросалась на поиски новых жертв...

Я позабыл, что моей собственной жизни грозила опасность, позабыл и о сражении; мне хотелось лишь приблизиться к этой красавице, столь роковой для обеих сторон, и убедиться, что зрение не обмануло меня; но перевернутые повозки и орудия, груды тел раненых и умирающих все время преграждали мне путь; она заметила, однако, как силился я пробраться к ней, и произнесла с устрашающей улыбкой на губах:

— Гилфорд, помни Геммалию... я же никогда тебя не забуду.

С этими словами она исчезла в гуще сражения; в ночной тьме я не смог дальше преследовать ее; но эта женщина, если глаза меня не обманули, сегодня вечером явилась пред нами.

— Геммалия!.. Таково ее имя! — мрачно и задумчиво сказал Линдبلاد. — Ты видел Геммалию! Но продолжай, я слушаю.

— С тех пор я видел ее несколько раз, и всегда это было ночью и во время битвы. Мне никогда не удавалось остаться рядом достаточно долго, чтобы поговорить с нею или услышать, что говорила она другим; но я заметил, что в минуты величайшей опасности служил для нее предметом самого пристального внимания; она следила за каждым моим движением, подстерегала каждый удар, направленный на меня... Что влекло ее ко мне? Не знаю; быть может, когда-нибудь узнаю... Но вернусь к рассказу об этих удивительных событиях. За день до того, как покинуть Восток, я выехал из лагеря в порт, откуда должен был отплыть; была ночь; один, подгоняя арабского жеребца, я пересекал огромную равнину, где несколькими днями ранее произошло кровавое сражение. Непогребенные мертвецы все еще ковром устилали землю, и мой испуганный жеребец, шарахаясь, топтал копытами посиневшие трупы; когда я очутился на поле битвы, над головой с раздраженным карканьем поднялись тысячи воронов; чудилось, они попрекали меня за то, что я прервал их чудовищное пиршество.

Я торопился покинуть это поле запустения и смерти, как вдруг заметил неподалеку женщину в белом одеянии; в темноте мне показалось, что она в глубоком раздумье склонилась к земле; вероятно, это скорбящая молодая вдова, сказал я себе; она пришла сюда, чтобы разыскать среди мертвых тело мужа, оплакать его и благословить его тень своими молитвами... Я приблизился; женщина, погруженная в свое печальное и благочестивое занятие, услышала стук копыт и поспешно поднялась; я ожидал, что она убежит, так как ничто не могло бы ее защитить в этой юдоли смерти, но вместо этого она пошла мне навстречу. Каково же было мое удивление, когда я узнал Геммалию!

— Остановись! — сказала она мне. — Зачем пришел ты тревожить сон мертвых? Завтра ты возвращаешься на родину, Гилфорд; я последую за тобой... Прощай!.. А теперь уходи.

Я хотел ответить, но мой испуганный конь, не слушаясь поводеьев, с быстротой ветра понес меня прочь; я был не в силах его остановить — им словно правила невидимая рука; лишь вдалеке от странной сцены, свидетелем которой я стал, мне удалось усмирить его пыл. На следующий день я отплыл из Греции и с тех пор не видел эту обитательницу могил и полей брани. Но нынче, как ты сам слышал и видел, она исполнила свое обещание.

— Невероятно!... и однако, что нужно от тебя этой женщине?.. Признайся, друг мой, она последовала за тобой из любви... вы любите друг друга...

— Я знаю, что ты боготворишь ее и мечтаешь на ней жениться; одного этого было бы достаточно, чтобы я отказался от нее, даже если хотел бы соединить с нею свою судьбу. Но страсть не воспламенила наши сердца; ни единое слово любви не сорвалось с наших губ. Не тревожься, дорогой Линдблад... Джордж Гилфорд тебе не соперник.

— Что же ты испытываешь к ней?

— Чувство, какое я не могу определить... Острое желание узнать ее побудило меня искать ее близости; я восхищался ее мужеством в битвах, ее красота ослепила меня, а радость, освещавшая ее лицо при виде стольких сраженных воинов, заставляла меня дрожать от удивления и ужаса. Что это за непостижимое создание, которое испытывает такую ненависть к людям, но глядит иногда таким ласковым и нежным взором?.. Объединим усилия, Линдблад, и проникнем в ее тайну!

После этого разговора два друга решили сблизиться с незнакомкой и в беседах с нею удовлетворить свое любопытство. Сэр Чарльз перестал опасаться Гилфорда; он был теперь убежден, что тот не испытывал к Геммалии страсти, какую он в нем заподозрил; и потому он без всякого страха наблюдал, как Гилфорд, подобно ему, искал любой возможности завязать дружбу с прекрасной гречанкой. Пос-

ледняя оставалась печальной, молчаливой и непроницаемой; ее дикий темперамент, однако, несколько смягчился. Визиты двух англичан стали более частыми; беседы с нею доставляли им громадное удовольствие; она бывала порой оживленной и легкомысленной, порой же грустной и нежной. Похоже было, что она получила блестящее образование, говорила на многих языках, была поклонницей искусств, много путешествовала и была знакома с историей и обычаями древних и современных народов; она обладала превосходной памятью, помнила все даты и с чудесной точностью приводила факты... Стоит ли удивляться, что два англичанина были так очарованы ею?..

Линдбладу, однако, начало казаться, что все помыслы и внимание Геммалии были устремлены на Гилфорда. С баронетом она обращалась с ноткой прежней холодности. Она едва награждала сэра Чарльза взглядом, но иногда он замечал, как она устремляла на Гилфорда взор, полный огня... Во время совместных прогулок она всегда шла под руку с Гилфордом, часто ускоряя шаг, чтобы остаться с ним наедине; она говорила с Джорджем так тихо, что несчастному Линдбладу не удавалось услышать их беседу; мучения были тем более невыносимы, что виновником их был его друг.

«Она презирает меня и пренебрегает мною, — с горечью говорил он себе. — Она любит Джорджа... он отвечает ей взаимностью... Ах! зачем он меня обманул... никогда бы не подумал, что он на такое способен... Но я не могу существовать в этой убийственной неопределенности; я должен знать, что меня ожидает; она должна объясниться. Если она предпочитает Гилфорда, я оставлю их и умру от любви...»

Лелея эти мрачные мысли, он в одиночестве однажды пришел к Геммалии. Она сидела за столом, склонив голову на грудь. При его появлении она вздрогнула; по ее пытливому взгляду он понял, что она ждала и одновременно страшилась разговора, который должен был решить судьбу их обоих.

— Геммалия, — сказал он, — я пришел к тебе не с упреками; я лишь прошу тебя сказать правду. Любишь ли ты Гилфорда?

— Нет, — отвечала она, — и кажется, я тебе уже о том говорила.

— Но как можно верить твоим словам, когда все их отрицает? Ты не отходишь от него, только с ним говоришь, только о нем думаешь... Я же, любящий тебя больше жизни, больше всего на свете, отвергнут и ненавидим...

— Какая несправедливость! он говорит о ненависти... он, единственный, кого я люблю! — промолвила она, поднимая свой прекрасный взор к небесам.

— Что ты сказала? — воскликнул Линдبلاد, падая на колени. — Ты любишь меня, Геммалия? могу ли я в это поверить?

— В каком доказательстве ты нуждаешься? — отвечала она.

— В каком доказательстве... Стань завтра же моей женой!

— Я согласна, — помедлив, промолвила Геммалия. — Но тот, кто желает взять меня в жены, должен знать, что берет на себя... Я одинока, без семьи, без средств; несчастье идет за мной по пятам, грозя всему, что окружает меня; оно уничтожит, предупреждаю, и моего будущего мужа, и ему следует подумать об этом... Но какую бы судьбу ни уготовило черное будущее тому, кто соединит свою руку с моей роковой рукой, он по крайней мере должен сделать это по своей воле.

Зловещий тон, каким она произнесла последние слова, заронил в сердце баронета мрачные предчувствия; внутренний голос словно кричал ему: «Поберегись, Линдبلاد! бедна разверзлась под твоими ногами... Враг сам предупреждает тебя об опасности...»

Но любовь заглушила глас разума... Он не желал даже думать о будущем. Обладать Геммалией — в этом состояло для него все счастье мира...

Все решилось; слово было дано, день назначен...

— Какой священник, однако, согласится благословить наш союз в чужой стране? — спросил невесту сэр Чарльз.

— Священник? — вскричала она страшным голосом. — Священник! Разве не довольно того, что муж мой получит меня... если же ему нужно Божество, песнопения, священники, храм... то лучше ему забыть о моей руке, ибо он никогда ею не завладеет!

Линдблад задрожал... но подчинился желанию своей странной невесты. Одурманенный любовью, он оставил Геммалию и отправился разыскивать Гилфорда, чтобы сообщить другу о назначенной свадьбе. Услышав это известие, Джордж пошатнулся; словно удар молнии с ослепительной ясностью осветил все потаенные закоулки его души; он понял, что позволил сердцу, сам того не подозревая, увлечь себя; он с ужасом осознал, что обманул друга или, вернее, обманывался сам... Но, будучи человеком благородным и великодушным, он решил немедленно уехать, дабы излечиться от своей страсти, прежде чем снова предстать перед Линдбладом и его восхитительной подругой.

Он уехал с разбитым сердцем, ибо Линдблад не сделал ни малейшей попытки его задержать. О, любовь, как тиранически ты властвуешь над душами! И как же успел измениться сэр Чарльз! Он жить не мог без Гилфорда, проделал весь путь до Марселя, мечтая поскорее встретиться с ним; теперь же он равнодушно воспринял его отъезд; сердце его, за исключением любви к прекрасной незнакомке, оставалось холодным; он пожертвовал другом детских лет, своей нежнейшей привязанностью, и ради чего? ради блаженства, которое, возможно, никогда не испытает...

На следующий день Линдблад и Геммалия принесли брачные клятвы; Господь не благословил их союз; лишь несколько гостей засвидетельствовали его в глазах закона.

.....
.....
.....

Они отплыли в Англию...

Показался Дувр, окутанный, как саваном, белыми скалами.

— Привет тебе, добрая старая Англия, привет! Английский путешественник, которого скука или необходимость вынуждает отправиться в дальние страны, подобен королю в изгнании. Но стоит ему ступить на родную землю гордого острова, как он поднимает голову и, не страшась ничего, кроме закона, чувствует себя монархом в обители истинной свободы.

Так говорил сэра Чарльз Линдблад, помогая молодой жене спуститься по сходням.

На Геммалии был тот же наряд, тем же огнем горели ее глаза, на бледном лице по-прежнему сверкали алые губы; и когда она пробиралась сквозь толпу, люди глазели на нее и восклицали:

— Кто эта необычайная и столь прекрасная молодая женщина?

Не задерживаясь в Дувре, они выехали в имение сэра Чарльза, находившееся в Нортумберленде; был конец осени, столь туманной и меланхолической осени, какая бывает только в Англии.

Почтовая карета мчалась сквозь туманы с поразительной быстротой. Как молния, пронеслась она через городки; напрасно возница важно щелкал кнутом — не он подгонял лошадей; их словно подстегивала неодолимая сила.

Вскоре сэра Чарльз и Геммалия оказались в Стоунхолле, имении баронета. Замок окружали рощи лиственниц и вечнозеленых деревьев; к нему вела длинная и извилистая подъездная дорога. Повсюду ощущалось долгое отсутствие хозяина; парк казался заброшенным, и великолепное имение невольно вызывало чувство глубокой печали.

Замок был одним из драгоценных напоминаний о готических зданиях, некогда высившихся в лесах Англии. Сэр Чарльз, как и другие его соотечественники в подобных обстоятельствах, берег это здание и, даже что-либо добавляя или перестраивая, всемерно подчеркивал его древность. Башенки, стрельчатые арки и витражные окна придавали особняку сходство с рыцарским замком; удобная мебель

гармонировала с окружением; и если бы здесь не попадались на каждом шагу изысканные приметы цивилизации девятнадцатого века, могло почудиться, что то было старинное аббатство века тринадцатого.

Линдблад поспешил показать жене все красоты своего живописного жилища и расцветить Стоунхолл увеселениями и празднествами в надежде мало-помалу развеять грусть Геммалии и избавить жену от не покидавшей ее печали. Вся окрестная знать собиралась по приглашению баронета на его великолепные балы; танцы затягивались за полночь; молодые девушки и юноши, одетые в костюмы рыцарских времен, вспоминали в зале деяния старины и подвиги своих предков, и своды замка звенели эхом лютни и веселых песен. Но ничто, казалось, не могло привлечь Геммалию или рассеять ее мрачные думы; и хотя ее редкая красота восхищала всех и заставляла тысячи соперниц бледнеть от зависти, на шумных балах она выглядела одинокой и таинственной; если же она порой вздрагивала от удовольствия, случалось это лишь тогда, когда она различала в музыке концертов и танцев далекий и монотонный похоронный глас меди.

Она редко выходила из замка... Прогуливалась она по обыкновению вечером, выбирая для этого самые грустные уголки; и когда лунный луч падал на ее обольстительное и странное лицо, наслаждение при взгляде на нее сочеталось с ужасом.

Тем временем сэръ Чарльз, огорченный состоянием жены, понемногу слабел; порой он раскаивался в том, что взял в жены неведомую девушку, поведение которой оставалось необъяснимым; но стоило ему увидеть Геммалию, как узы любви крепили и в сердце баронета загоралось то же пламя, что привело его в Марселе к роковой свадьбе. Днем он был спокоен и старался не отходить от леди Линдблад, довольствуясь тем, что может видеть ее; одно ее слово заставляло его забыть обо всем. Каждый вечер, опьянев от любви, он с восторгом вел ее к брачному ложу; но едва он всходил на это ложе, как силы оставляли его, и ему начинало казаться, что он возлежит рядом с мраморной статуей. Ледя-

ное онемение охватывало его, свинцовый сон сковывал веки, ужасные сны терзали его, не пробуждая; и когда рассвет избавлял его от гибельных ночных кошмаров, он видел рядом бледную жену с влажными губами и холодным, недвижимым телом. Усталый и измученный, он вставал и старался забыть в утехах быстротекущего дня о приближении новой ночи боли.

Баронет обращался к самым знаменитым докторам; те щедро и тщечно прописывали снадобья для исцеления неизвестной им болезни. Сэр Чарльз впал в отчаяние; не раз он корил себя, вспоминая, как дурно обошелся с Гилфордом; быть может, совет друга окажется полезней советов лекарей? Вдали от Гилфорда ревность баронета утихла; дружеская привязанность возродилась в его душе, ибо чувство это, хоть и пребывавшее какое-то время под спудом, ничто не могло искоренить. Желание проникнуть в тайну, окружавшую Геммалию, тайну, которую он не сумел разгадать, заставило его мечтать о возвращении Гилфорда; и наконец, он решился написать другу.

В письме он выразил надежду, что Гилфорд простит совершенную несправедливость; далее он написал, что жестоко страдал в разлуке с другом и, несмотря на власть странной женщины, которой он подарил всю свою любовь, не проходило и дня, чтобы он не вспомнил о дорогом Гилфорде; отъезд друга, писал он, оставил пустоту в его душе. В эту минуту он как никогда нуждался в Гилфорде, столь быстро и с такой добротой приходившем прежде на помощь; баронет признался, что он несчастен и что возлюбленная жена непостижимым образом стала для него орудием пытки; в конце письма он вновь молил Гилфорда, если тот не позабыл еще чувства, соединявшие их в прошлом, простить его и поскорее приехать, дабы дружеская забота помогла баронету найти выход из плачевного положения, в котором он оказался.

Сэр Чарльз ждал Гилфорда с великим нетерпением. У него осталась одна надежда: снова увидеть друга и с его помощью постараться раскрыть тайну жены. Помимо трепета, испытываемого им при виде Геммалии, в душе его находил

отклик лишь стук лошадиных копыт на дороге; он прислушивался, надеясь, что это экипаж Гилфорда.

Шумные развлечения остались в прошлом. Линдبلاد видел, что его балы и званые вечера не производили никакого впечатления на Геммалию; ему самому они теперь скорее внушали отвращение, и он постепенно стал рассылать все меньше приглашений. Поистине, никакие удовольствия не в силах развеселить сердце, снедаемое тайной печалью. Иные меланхолические фигуры вращаются в блестящих кругах, но походят на мертвых, которых в тех или иных странах принято осыпать пышными украшениями. Но способны ли духи, цветы и бархат оживить хладное тело, рассыпающееся в прах?

Следует также сказать, что в округе начали побаиваться Стоунхолла; гости, за исключением нескольких бесстрашных приживал, исчезли из имения. Поползли странные слухи и о леди Линдبلاد. Путешественники, побывавшие в Греции, уверяли, будто видели ее среди могил Коринфа и Афин. Слухи эти охотно распространяли женщины, давно уже безнадежно завидовавшие красоте Геммалии... Гадали, как удалось этой неизвестной, чей удивительный облик создавал плодородную почву для злословия, соблазнить и женить на себе сэра Чарльза, главу одного из первых семейств Англии. О Геммалии расспрашивали чужестранцев, однако те не могли пролить свет на таинственное создание. Решили, что у Линдблода имелись причины скрывать происхождение жены. Одни говорили, что она была дочерью знаменитого кавказского разбойника, которую баронет обнаружил на скале на месте кровавой резни; пережитые-де в детстве бедствия навсегда оставили на ней свой след. Другие утверждали, что она еврейка и была найдена сэром Чарльзом на берегу Иордана, происходит же по прямой линии не от кого иного, как от аэндорской колдуньи... На сей счет ходили самые пугающие рассказы. Деревенские дети, пробиравшиеся в сад баронета, дрожали при встрече с его женой; девушки видели ее в кошмарах и боялись, что она наведет порчу на их возлюбленных. Наконец, молодые люди, хоть и не так уж боявшиеся ночной ворожбы колдуньи из Стоунхол-

ла, не могли не признать, что было в ней нечто, внушавшее ужас...

— Геммалия! Геммалия!

Геммалия прибежала на зов.

— Видишь почтовую карету? она спускается с холма и сворачивает на дорогу к замку, — спросил сэр Чарльз.

— Вижу, — отвечала леди Линдبلاد, устремив на него горящий взор.

— О! если бы в ней оказался Гилфорд! — добавил баронет.

— Гилфорд! да, это Гилфорд, — ответила она, и ее глаза заблестели сильнее, а на губах заиграла неопределенная улыбка.

Карета уже подкатила к замку. Вот она остановилась; Линдبلاد спустился навстречу другу; они обнялись, а Геммалия, недвижно стоя в сторонке, с торжеством смотрела на них, как на несомненных жертв своей устрашающей красоты.

Приезд Гилфорда утешил и обрадовал сэра Чарльза. Друзья сели за гостеприимный стол; Геммалия была с ними; никогда еще не казалась она такой прекрасной, такой очаровательной; Линдبلاد был в восторге; Джордж не скрывал своего восхищения, а молодая дама принимала их комплименты как должное.

Баронет воспользовался первой же возможностью, чтобы остаться наедине с другом.

— Как вы ее находите? — спросил он.

— Она восхитительна, — ответил Гилфорд.

— Почему же я — несчастнейший из людей?

— Я завидую твоему несчастью; но к чему заставлять меня завидовать еще больше, призвав меня сюда, к твоей жене? В Марселе ты думал, что я люблю Геммалию. Зачем же ты потребовал, чтобы я подверг себя опасности?

— Даже если ты восхищаешься ею, простое звание супруга не означает, что между нами существует какое-то различие.

- Что ты хочешь сказать?
- Если Геммалия мне и жена, то только по имени.
- Как такое возможно?..

Тогда Линдبلاد поведал ему историю своей жизни, начиная с того момента, когда он вступил в роковой брак; рассказал о беспокойных днях и полных ужаса ночах и о том, как неодолимый сон лишал его всех сил; о том, какой находил жену по пробуждении, и о жутких подозрениях, отравлявших его душу...

— Обещай мне, — добавил он, — поклянись самой ужасной клятвой, что поможешь мне раскрыть тайну... В Геммалии есть что-то необъяснимое... Когда я вхожу в брачный покой, мои чувства сковывает не тот знакомый всем, обычный сон — это некий сверхъестественный гнет, названия которому я не могу найти. Чудовищные ночи следуют одна за другой... Обещай, что сорвешь завесу, скрывающую этот ужас, и пробудишь меня от сна, что в сотню раз хуже смерти; обещай мне также следить за Геммалией, и пусть твоя дружба послужит и моему освобождению, и моей любви...

— Клянусь, — сказал Гилфорд и подкрепил свою клятву многими страшными обетами.

Прошло две недели, затем месяц, прежде чем Джордж вспомнил о клятве, данной сэру Чарльзу. Порой он проходил мимо спальни хозяина Стоунхолла; все было тихо; ни жалобы, ни стоны не выдавали страданий его друга, а войти он не осмеливался. Более того, жизнь в имении таила для него немало очарования; он был счастлив тем, что может видеть Геммалию; живя с нею под одной крышей, он позабыл, что Линдبلاد попросил его вернуться, ища поддержки и помощи.

Состояние баронета оставалось неизменным. Каждую ночь он впадал в долгий сон. К вполне естественной тревоге, вызванной таким невероятным положением, прибавились новые страдания; с прибытием Гилфорда в нем снова проснулась ревность; опрометчивый друг лишь усугублял подозрения баронета, ничуть не скрывая, какое бесконечное наслаждение доставляло ему общество Гемма-

лии. Линдблад, чья печаль день ото дня становилась все безысходней, наконец объяснился с другом; он напомнил Гилфорду о данных тем клятвах и воззвал к его преданности дружбе, что слишком долго уступала любви.

Назначили ночь, когда Гилфорд должен был проникнуть в тайну странного сна Линдблада; он обещал, что проберется под покровом темноты в спальню сэра Чарльза и употребит все силы, чтобы пробудить его от необъяснимой летаргии; было договорено, что Гилфорд не уйдет, пока сэр Чарльз не увидит его и не заговорит с ним и пока секрет ночных кошмаров не будет разгадан.

Джордж, баронет и его жена провели вечер втроем. В камине старинного зала горел яркий огонь. Случись там зритель, он был бы поражен выражением лиц хозяев и гостя. Сэр Чарльз молчал; он застыл без движения, склонив голову к каминной доске и, казалось, ушел в свои думы, с радостью и отчаянием ожидая наступления ночи, обещавшей разгадку стольких тайн... По другую сторону камина сидела Геммалия; огонь бросал красноватый отсвет на ее бледное прелестное лицо; она переводила глаза с мужа на гостя и с приоткрытым ртом, как зачарованная, внимала едва ли не страстным речам запинаящегося Гилфорда...

Часы пробили одиннадцать... Хозяева Стоунхолла встали и направились в спальню... Уходя, Линдблад подал другу выразительный знак, напоминая о клятве; Гилфорд, принужденный отвлечься от любовных мечтаний, ответил тем же. Оба казались растерянными и встревоженными; их колени дрожали, голоса срывались, точно они готовились к встрече со всеми призраками, которыми горячее воображение людей населило обитель мертвых...

Геммалия, напротив, стройная и легкая как тень, сияла неожиданной радостью, словно собиралась на ночной бал. Кинув на Джорджа странный взгляд, не ускользнувший от внимания Линдблада, она произнесла, выходя:

— *Скоро...*

Не успел сэр Чарльз положить голову на подушку, как сон, приходивший каждую ночь, заставил его смежить ве-

ки; и вновь пришли ужасные сновидения... Он оказался с Гилфордом на полях Греции. Они с любопытством осматривали места героических подвигов, которыми с юных лет восхищались; вскоре они очутились на громадной равнине, лишенной растительности; земля была вся изрыта и усеяна могильными камнями. Легкий призрак скользнул меж друзьями, и при виде этого рокового духа мертвые восстали и, размахивая иссохшими руками, стали громко увещевать Линдблада и Гилфорда бежать. Но времени не осталось: их что-то навеки разделило и обрушило в бездну, полную крови... Измученный этими и другими, еще более ужасными видениями, Линдблад покрылся холодным потом; волосы встали дыбом на его голове.

Пытка длилась около часа, а затем, не просыпаясь, он почувствовал, как кто-то яростно начал трясти его за плечо... он задрожал... Приглушенный и хриплый голос словно нашептывал ему в ухо:

— Линдблад, ты спишь... и пока ты спишь, твой неверный друг, нарушив клятву, пытается соблазнить и похитить твою жену... Просыпайся, Линдблад...

Линдблад мучительно пытался сбросить покров гибельного сна, но все было напрасно... Вновь та же рука сжала его плечо, тот же голос стал шептать пугающие слова, сопровождая их время от времени сдавленным зловещим смехом... но Линдблад не смог проснуться.

В третий раз больно сжала его плечо невидимая рука, и прежний голос мрачно зашептал:

— Как! Линдблад, ты еще спишь... безумный! думаешь, ты в безопасности? Злодеяние вот-вот свершится... Разве не слышишь ты скрип колес? Это карета, в которой похититель увезет свою жертву... Просыпайся, вставай, Линдблад, если хочешь спасти жену!..

Как только смолкли последние ужасающие слова, сэра Чарльза проснулся. Что так ужаснуло его: сон или страшная явь? и однако, он свободен, сон оставил его... Он протягивает руку... о Боже! жены больше нет рядом... Охваченный яростью и ревностью, он вскакивает с ложа, что мнится ему оскверненным, хватается шпагу... В спальне царит

непроглядная тьма... он вслепую бежит к двери... Рука, пробудившая Линдблада, словно направляет его в темноте; содрогаясь, он чувствует властное прикосновение холодных пальцев... Слишком поздно? О, небеса! неужели он слышит карету... он выбегает в парк... луна, выглядывая из-за мрачно нависших туч, освещает землю своими лучами... он всматривается...

Да, это Геммалия... Гилфорд увлекает ее за собой... Похититель видит Линдблада...

— Тайна раскрыта! — восклицает он.

— Спаси меня! — со стоном молит Геммалия.

Сэр Чарльз, не владея собой, бросается к Гилфорду.

— Защищайся, трус! — кричит он.

— Несчастный! ты заблуждаешься, — отвечает тот.

— Муж мой, спаси меня! — взывает Геммалия.

Барон взбешен, он в ярости, он не ведает, что делает... не знает, в состоянии ли Гилфорд защищаться...

Сэр Чарльз поднимает шпагу... и шпага пронзает сердце его друга, прерывая жизнь...

Баронет извлекает окровавленную шпагу из безжизненного тела... и будто вновь слышит тихий смех, потревоживший его сон... на миг ему кажется, что смеялась Геммалия... он поворачивается к ней... она, рыдая, стоит на коленях.

— Что я наделал? — с глубоким вздохом спросил сэр Чарльз...

— Ты спас свою жену, — ответила леди Линдблад; и изменница, осыпая баронета обманчивыми ласками, принялась рассказывать, как Гилфорд разбудил ее, чтобы затем совместными усилиями пробудить ее супруга; как, под благовидным предлогом подготовки к этому деянию, затем увлек ее в парк; не появившись неожиданно сэр Чарльз, сказала она, бывший друг, ставший предателем, похитил бы ее...

Говорила ли она правду?..

Растерянный Линдблад не знал, что и думать об ужасном событии; в голове его еще кружились обрывки сновидений, и ему казалось, что судьбой его словно распоря-

жается некое роковое и непостижимое существо. Жена пыталась унять его ужас. Баронет взглянул на нее и почувствовал, как в душе его вновь пробуждается любовь.

— Пойдем, — сказала она, — пойдем, муж мой, и пусть брачное ложе перестанет быть для тебя лишь постелью из цветов... Во всем повинен изменник Гилфорд; это он злодейски помешал тебе исполнить обет любви... Пойдем... Забудь о неверном друге... пусть нежные и прельстительные узы сладострастия соединят нас и опьянят наслаждением и блаженством....

Так сказала она...

Глядя на ее восхитительные черты, Линблад забывает и свои ужасные сны, и убийство, только что запятнавшее его руку. Он сжимает в объятиях свою странную и прекрасную невесту. Геммалия пожирает его горящими глазами, ее алые губы вызывают к поцелуям.

Ложе сладострастия ждет... витают благовонные ароматы... алебастровая лампа, страж любви, разливает мягкий свет... Скорее, счастливые любовники, забудьте о ваших терзаниях — да вознаградит вас ночь восторгов за ночи страданий столь долго остававшегося бесплодным брачного союза!

Но не успел Линдблад оказаться в объятиях жены, как его вновь охватило то же онемение; как он ни противился, глаза его закрылись, и он упал на постель, недвижимый и раздавленный горем.

Оцепенение продлилось лишь миг; перед ним предстала бледная и окровавленная тень Гилфорда.

— Ты подозревал друга, — сказал он, — но теперь поймешь, что твоя ревность была безосновательна; ты хотел узнать, что за существо превратило нас в своих несчастных рабов; пойдем же, следуй за мной...

Услышав эти слова, Линдблад с дрожью ужаса пробудился — и увидел призрак друга. Тот, приложив палец к

посиневшим губам, повел его за собой. Линдблад последовал за ним. Куда же?.. к тому роковому месту у обители мертвецов, где он сразил Гилфорда.

Между тем, его молчаливый поводырь исчез; Линдблад направился туда, где лежало окровавленное тело друга, дабы умиротворить его блуждающий дух смиренными молитвами...

Он приблизился...

Боги!.. Что за стройный белый призрак склонился над трупом?..

Этот призрак он видел в лихорадочных снах своего воображения. Но его черты?.. Это Геммалия! Разве не узнает он теперь эти глаза, горящие адской радостью, эти красные губы, налитые кровью?.. Да, это молодая красавица-гречанка... невеста могил... божество его сердца!.. Как гриф, склонилась она над обнаженным телом Гилфорда и вырывает из него трепещущие куски плоти... Чудовищное кощунство!.. ужасающее пиршество!.. В небе стоит кровавая луна, ночные птицы наполняют воздух своими жалобами, ветер яростно взметает последние листья осени — а Геммалия спокойно глядит на мужа, словно приглашая его разделить с нею восхитительную трапезу!..

Сэр Чарльз проник в тайну своего проклятого союза... Он понял, что был уничтожен одним из ужасных существ, которых считал прежде устрашающими воображение созданиями восточных сказок... Ужас раздавил его, зрелище злодейства сотрясло основы его души...

Он умирает, он медленно умирает... а его чудовищная невеста, проклятая гуль, удаляется в ночь, попирая остатки отвратительного пиршества и роняя последние капли крови Гилфорда со своих смеющихся, влажных губ.

ПРИМЕЧАНИЕ

В восточных сказках гули — это женщины-вампиры, кормящиеся мертвыми. Их изображают в виде бледных и лишенных одежды красавиц.

В одном обществе, где только что прочли «Вампира» лорда Байрона, заспорили, может ли существо женского пола, столь же чудовищное, как *лорд Рутвен*, быть наделено всем очарованием красоты. Так родилась книга, которая была завершена в течение нескольких осенних вечеров и с которой только что ознакомился читатель. В странности избранной темы, противоречивостях сюжета, изображении кровавых ужасов постигшей героев катастрофы прежде всего повинны ее авторы. Но авторы должны заметить, что материал для повести почерпнули не в собственном воображении и что построена она на очень древних суевериях.

Греки и римляне верили в *ламий* и *стриг*, женщин, которые высасывали из детей кровь и пожирали младенцев.

Гораций намекает на распространенные представления о них и одновременно осуждает подобные предметы в следующем стихе:

Neu pransae Lamiae uiuum puerum extrahat aluo.

Ar. poet., v. 340.

В Септуагинте древнееврейское слово *Лилит* переводится как *Ламия*.

Пророк Исая, изображая опустошение, что воцарится после падения Вавилона, говорит: Вавилон станет прибежищем ламий.

Страх перед вампирами особенно распространен среди современных греков. Считается, что отлученные от церкви не разлагаются в могилах и выходят из них, чтобы терзать живых. Этих ужасных существ называют гулями, врукколаками и т. д.

В Германии, Польше, Австрии и Лотарингии царили те же суеверия. Здесь боялись обитателей гробниц, которые выходили из своих посмертных жилищ и нападали на тех, кто

прежде был им дороже всех на земле. Как считалось, избавиться от них можно было, лишь умертвив их, так сказать, вторично; для этого следовало пронзить их сердце колом, после чего они издавали громкий крик и показывалась свежая, ярко-красная кровь. Затем им отрубали головы, тела сжигали и пепел хоронили в гробницах. Кто не знает историю Арнольда Пауля и подобные ей *невероятные свидетельства*?

В Германии долго верили, что мертвые жевали в гробницах свои покровы и поглощали все, до чего могли дотянуться. Серьезный автор, Мишель Рауфф, посвятил этому вопросу трактат под названием «*De masticatione mortuorum in tumulis*».

В семнадцатом веке ходило много историй о вампирах и призраках; несомненно, в распространении их сыграл свою роль трактат преподобного дома Огюстена Кальме, настоятеля Сеньона, и сочинения многих других столь же эрудированных авторов.

Во все времена и во всех странах те же суеверия ужасали легковерных, заставляли ломать головы мудрецов, пытающихся объяснить все на свете, и вызывали улыбку тех, кто в поисках истины углубляется в сущность вещей.

Наш скептический девятнадцатый век весьма расположен к сверхъестественному. С распространением цивилизации возрастает и праздность; мы создаем вымышленный мир, восполняя недостаток эмоций, которые тщетно ищем в узком кругу повседневных событий. Чем больше удовольствий, тем более невероятные средства требуются, чтобы оживить пресыщенные чувства. Среди розовых кустов Багдада, под нежное журчание благоуханных фонтанов, последователь Али, уставший от радостей гарема, с вечно новым наслаждением слушает эти чудесные истории, населенные воображаемыми и фантастическими созданиями, растрачивая в их единообразной пустоте свое праздное существование.

Приложения

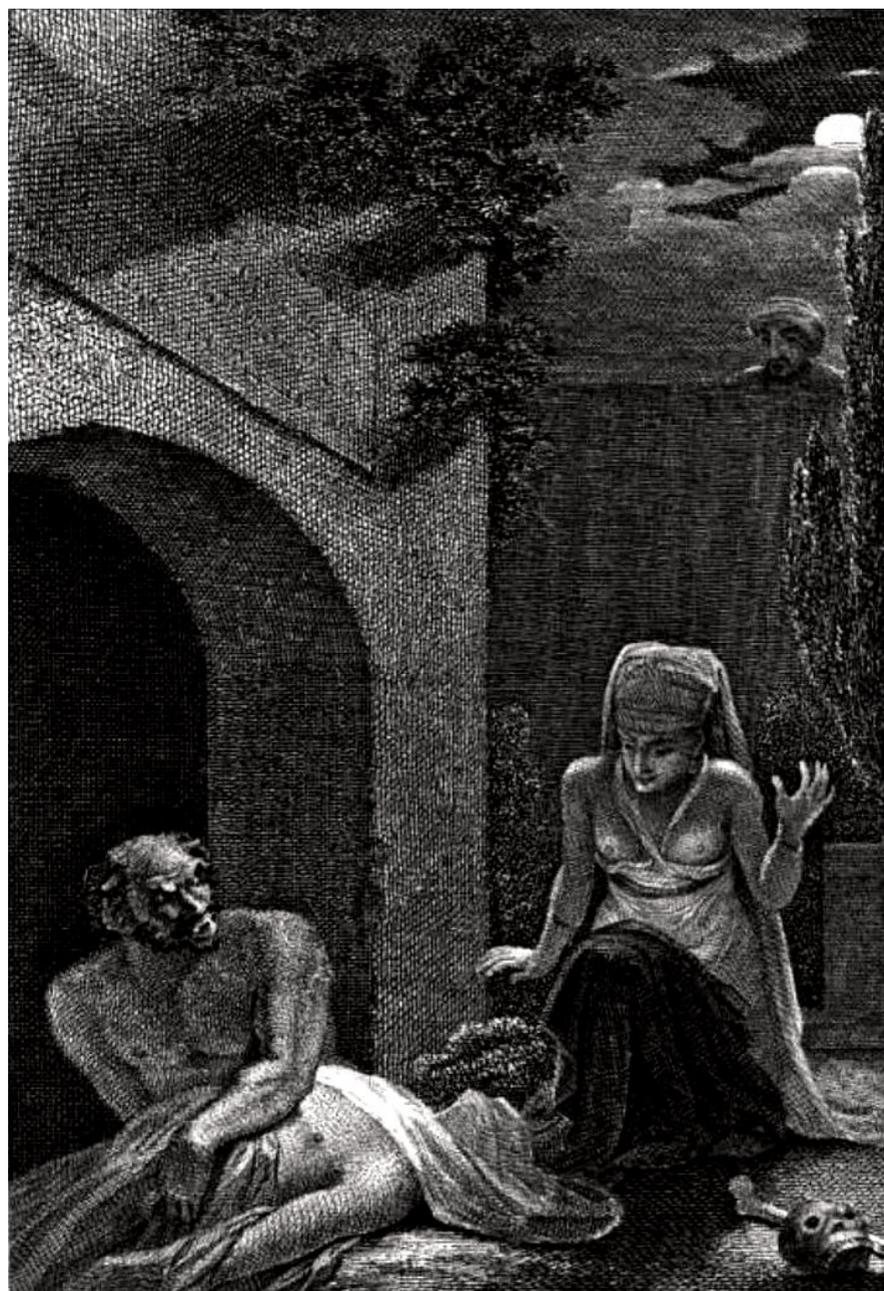
Из журнала «Revue encyclopédique»

(Том XXVI. Париж, апрель 1825)

Gemmalie. Nouvelle. Paris, 1825; Ladvoat, Ponthieu.
1 vol. in-12 de 166 pages; prix 3 fr. et 3 fr. 35 cent.

Геммалия — гуль, своего рода женщина-вампир, которая по неизвестной причине задалась целью уничтожить Джорджа Гилфорда и Чарльза Линдблада, двух англичан, сражавшихся за греков. Она вдохновляет в обоих страстную любовь. Линдблад хочет жениться на ней, и она невесть почему предупреждает, что с ней он будет несчастен. Религия не благословляет их брак. Линдблад возвращается в свое имение; всякий раз, когда он приближается к Геммалии, его одолевает непобедимый сон, и ему не удается воплотить в жизнь брачный союз; наконец, он призывает Гилфорда и просит, чтобы тот разбудил его посреди ночи, дабы открыть причину непонятого сна; но в назначенный час Геммалия сама будит Линдблада и, обманув его иллюзорным видением, зовет на помощь, уверяя, что Гилфорд пытается ее похитить. Линдблад в ярости бросается на Гилфорда и убивает последнего; затем возвращается домой, но прежний крепкий сон вновь сковывает его на брачном ложе. Тень Гилфорда, однако, будит его и молча ведет к месту, где лежит труп, сделавшийся пищей ужасной супруги Линдблада, каковая умирает сама, разрывая на куски добычу. — В этой отталкивающей истории нет ни малейшего стилистического искусства, как нет и никакой изобретательности в деталях. Все читали в *Тысячи и одной ночи* рассказ о человеке, женившемся на гуле; халиф Гарун повстречал его, когда тот изо всех сил хлестал жену, превращенную в кобылу. Но заметим, что у арабского автора нас развлекают постоянные волшебные метаморфозы, скрадывающие ужасные картины; в *Геммалии*, напротив, мы только движемся к жуткой развязке, а весь томик лишен интереса, интриги и литературных достоинств. Добавим последнее наблюдение: изображая фантастических или сверхъестественных существ, следует искать их образы в верованиях народов,

среди которых происходит действие. Отринув эту истину, авторы *Геммалии* превратили свою повесть в никчемную небылицу. — В. J.

Коллен де Планси

Из «Инфернального словаря»

(1863)

Гули. Вера в вампиров, гулей, ламий, являющихся примерно одним и тем же родом призраков, широко распространена среди арабов, персов, в современной Греции и в целом на Востоке. О них рассказывается в *Тысячи и одной ночи* и некоторых других арабских сказках, и даже сегодня это ужасное суеверие сеет страх во многих областях современной Греции и Аравии. Гули женского пола. Истории о них восходят к десятому веку и даже ко временам правления Гаруна аль Рашида. Гули пожирают человеческую плоть, пьют кровь и подобны скорее вервольфам, нежели вампирам, так как способны предаваться своим мрачным пиршествам, и не будучи мертвыми. Когда гули не находят живую плоть, они отправляются на кладбища и выкапывают свежие трупы. Эти традиционные верования, очевидно, основаны на зловещих фактах.

В восточных сказках мы также находим вампира, который может поддерживать свою отвратительную жизнь, лишь пожирая время от времени глаз юноши; эти сказки показывают, какие ужасные представления о вампиризме существовали в древности в Аравии.

КОММЕНТАРИИ

Анонимная повесть *Геммалия*, впервые изданная в Париже в первые месяцы 1825 г., до недавнего времени оставалась практически неизвестна не только за пределами Франции, но и в самой стране. Единственный, кажется, отзыв на нее — уничижительная и крайне несправедливая рецензия, к тому же полностью раскрывающая фабулу — был опубликован в апреле 1825 г. в *Revue encyclopédique*; в дальнейшем безвестности книжки немало способствовал приобретенный ею статус библиографической редкости. Лишь в 2016 г. повесть была переиздана в составе сборника *Gemmalie, et autres Corinthiennes* издательства *Otrante*.

Геммалия, между тем, занимает важное место в истории развития вампирического или, если угодно, около-вампирического жанра (гули, подобные Геммалии, древнегреческие ламии и сходные существа принадлежат скорее к некрофагам, однако в период написания повести, да и позже, безусловно воспринимались как типологически относящиеся к вампирам).

Повесть появилась на фоне французской «инфернальной волны» 1810-1820-х гг.¹ и настолько насыщена литературными аллюзиями, что кажется едва ли не центоном. Здесь обыгрываются и истории о ламиях от Филострата и далее, и западноевропейский вампирический дискурс от О. Кальме до *Коринфской невесты* Гете, *Вампира* Полидори и в целом байронического вампиризма, и ориентальная линия *Тысячи и одной ночи*. В плане последней непосредственным источником для авторов послужила сказка о Сиди Нумане и его жене-гуле, включенная в состав *Тысячи и одной ночи* французским ориенталистом, путешественником и переводчиком А. Галланом (1646-1715) и, видимо, почерпнутая им из пересказа сирийского маронита Х. Диаба. По поводу происхождения этой сказки и степени вмешательства Галлана существуют различные версии; любопытно, что некоторые исследователи именно Галлану приписывают мотив разрывания могил и поедания мертвецов в приложении к гулям². Многие общие черты

¹ См. Нодье Ш. *Infernaliana* или Анекдоты, маленькие повести, рассказы и сказки о блуждающих мертвецах, призраках, демонах и вампирах. Salamandra P.V.V., 2018. С. 104-105.

² Al-Rawi A. The Arabic Ghoul and its Western Transformation // *Folklore* 120 (2009, December), с. 291-306.

заставляют предположить, что авторы были знакомы с *Серанионовыми братьями* Э. Т. А. Гофмана (опубл. 1819-1821), который использовал мотивы указанной сказки в рассказе о графе Ипполите и его жене Аврелии.

Перевод выполнен по первому изданию 1825 г. На фронтисписе — илл. К. Рожье к *Contes fantastiques* Гофмана (Париж, 1836); на с. 43 — илл. к истории о Сиди Нумане из *The Arabian Nights Entertainments* (London, 1840).

С. 15. ...*габаре* — Габара — парусное двух- или трехмачтовое грузовое или сторожевое судно.

С. 17. ...*замка Иф* — Замок Иф — крепость XVI в. на одноименном острове Фриульского архипелага примерно в 4 км от Старого порта Марсея, до второй половины XIX в. служившая тюрьмой; прославлена в романе А. Дюма *Граф Монте-Кристо* (1844).

С. 22. *Он первым ворвался в бастионы Афин... на пылающих брандерах превратили в пепел оттоманский флот* — Здесь вольно изложены некоторые эпизоды Греческой войны за независимость (1821-1829/30), как-то взятие революционными войсками Афин (1821). В ходе войны греки провели десятки успешных атак против турецкого флота, используя брандеры — суда, нагруженные горючим материалом и направляемые на неприятельские корабли.

С. 22. ...*Хуршид-паша* — Хуршид-паша (? — 1822) — оттоманский военачальник и государственный деятель, в начале XIX в. паша Египта, затем великий визирь империи. Покончил с собой в результате политических интриг.

С. 22. ...*Одиссей* — Имеется в виду Одиссей Андруцос (1788-1825), греческий революционер и один из вождей войны за независимость; был обвинен в переходе на сторону турок и убит по

приказу греческого правительства.

С. 26. ...*под Коринфом* — Во время Греческой войны за независимость Коринф был разрушен; однако здесь на эти события проецируется трагическая поэма Байрона *Осада Коринфа* (1816), описывающая осаду турками Акрокоринфа (городского акрополя) и гибель венецианского гарнизона в 1715 г. во время турецко-венецианской («Второй морейской») войны. В контексте повести Коринф важен и как место действия знаменитой баллады Гете *Коринфская невеста* (нап. 1797), где изображена мертвая невеста-вампир.

С. 35. ...*аэндорской колдуньи* — Речь идет о библейской вожделе, которая по просьбе царя Саула вызвала накануне решающей битвы с филистимлянами дух пророка Самуила (см. 1. Цар. 28).

С. 43. ...«*Вампира*» лорда Байрона... лорд Рутвен — Лорд Рутвен — вампир, центральный персонаж *Вампира* Д. Полидори (опубл. 1819), изначально приписанного Байрону. Ко времени публикации *Геммалии* авторство Полидори было уже достаточно хорошо известно; но возможно, авторам важнее было сохранить имя Байрона, обладавшего в литературном сознании демоническими и вампирическими чертами.

С. 43. *Neu pransae... aluo* — Цит. из *Послания к Пизонам (Искусства поэзии)* Горация, в пер. А. Фета: «не таскать из утробы / Ламии съеденных ею детей невредимо живыми». Нами исправлены опечатки в латинской цитате.

С. 43. *В Септуагинте... ламий* — Речь идет об известном стихе из книги пророка Исайи, в синодальном пер.: «И звери пустыни будут встречаться с дикими кошками, и лешие будут перекликаться один с другим; там будет отдыхать ночное привидение и находить себе покой» (Ис. 34: 14); в оригинале для обозначения «ночного привидения» использовано древнеевр. *lilit*, в Вульгате (так) — *lamia*.

С. 44. ...*Арнольда Пауля* — Имеется в виду подозревавшийся в вампиризме крестьянин Арнонд Паоле из современной деревни Медведжа в Сербии, чей случай, расследовавшийся австрийскими властями в 1731 – начале 1732 г. стал катализатором «вампиричес-

кой эпидемии» первой половины XVIII в. Как имя Паоле, так и название деревни часто искажались.

С. 44. ...*Мишель Рауфф... tumulis* — так в тексте. Михаэль Ранфт (1700-1774) — немецкий пастор, историк, автор книг о вампиризме. Его сочинение *De Masticatione mortuorum in tumulis* («О жующих мертвецах в могилах», 1725) вышло несколькими расширенными изданиями.

С. 44. ...*Огюстена Кальме* — О. Кальме (1672-1757) — французский аббат и экзегет; его книга *Dissertations sur les Apparitions des Anges, des Démons & des Esprits, et sur les Revenans et Vampires de Hongrie, de Boheme, de Moravie & de Silesie* («Рассуждения о явлениях ангелов, демонов и духов, а также о привидениях и вампирах в Венгрии, Богемии, Моравии и Силезии», 1746, 3-е доп. изд. 1751) являлась в свое время самым популярным и авторитетным источником сведений о призраках, вампирах и ревантах.

С. 47. ...*рассказ о человеке, женившемся на гуле... кобылу* — Подразумевается история о Сиди Нумане (см. выше). Поскольку эта изобилующая волшебными превращениями сказка не вошла в наиболее доступные русские издания *Тысячи и одной ночи* в пер. М. Салье, приведем один из кульминационных моментов:

В одну ночь Амина, полагая, что я сплю, тихонько встала, и я заметил, что она одевалась с большими предосторожностями, боясь как-нибудь зашуметь и тем разбудить меня. Я не мог понять, с каким намерением она лишала себя покоя, и любопытство знать, что она хочет делать, заставило меня притвориться крепко спящим. Она оделась и минуту спустя вышла из комнаты, не делая ни малейшего шума.

Как только она вышла, я встал, набросив себе на плечи платье мое; я имел время заметить из окна на двор, что она отворила ворота на улицу и вышла.

Я побежал тотчас к воротам, которые она оставила неприторенными и, с помощью лунного света, следовал за нею, пока не увидел, что она вошла на кладбище, соседнее с моим домом. Тогда я дошел до конца стены, оканчивавшейся у кладбища и, взяв все предосторожности, чтобы меня нельзя было заметить, я увидел Амину с Гулей.

Тебе, государь, небезызвестно, что Гули обоего пола суть скитающиеся по полям демоны. Они обитают обыкновенно в развалившихся зданиях, откуда нечаянно нападают на прохожих, которых убивают и едят их мясо. За недостатком прохожих, они ходят ночью на кладбище питаться мертвыми телами, которые отрывают.

Я был в ужасном изумлении, когда увидел жену мою с этой Гулей. Он вырыли из земли мертвое тело, в тот день погребенное, и Гуля несколько раз резала от него куски мяса, которые они ели вместе, сидя на краю могилы. Они разговаривали очень покойно, разделяя такую жестокою и бесчеловечную трапезу; но я был слишком далеко и мне невозможно было понять ничего из их разговора, который должен был быть столь же необыкновенен, как и пища их, о которой воспоминание заставляет меня еще содрогаться.

Окончив этот отвратительный ужин, они бросили остаток трупа в могилу, которую опять засыпали вырытою ими землею. Я оставил их оканчивать это занятие и поспешно возвратился домой. Войдя, я оставил ворота непритворенными, как нашел их, и, возвратясь в мою комнату, лег опять в постель и притворился спящим.

Амина вошла несколько минут после, без всякого шума; она разделась и опять легла с радостью, как я воображал, оттого, что ей так хорошо удалось и что я ничего не заметил¹.

К данному фрагменту следует также примечание:

«Гулями Магометане называют род привидений или ведьм; они почти всегда женского рода. Гуля отличается от вампиров тем, что она питается мясом трупов, тогда как последние довольствуются тем, что выпивают кровь».

¹ Тысяча и одна ночь: Арабские сказки. Т. 11. СПб., 1842. С. 173-175.

Оглавление

Геммалия 8

Приложения

Из журнала «Revue encyclopédique» 46

К. де Планси. Из «Инфернального словаря» 50

Комментарии 52

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.